

СКАЗКИ

Каруселька

Часть 1 Инициация

Впервые он почувствовал приближение смерти, когда его окликнули на рынке: «Мужчина, сдачу забыли!» Никогда прежде его не звали мужчиной, и от такого обращения он как-то сжался и даже немного полысел. Как будто там, между пучками редиса и лука, враз перестал быть молодым человеком и стал человеком немолодым. Почти пожилым.

Больше на рынок он не ходил.

Она стала женщиной сразу. Прямо с детства. Сразу ровненько рассаживала кукол, сразу отвечала за их обед из песочных куличиков, за их платья и за воспитание.

Она была из тех девочек, которые рождены матерями. Видят в этом свою суть, смысл и великое предназначение.

В двадцать первом веке как будто бы нет обрядов инициации, хотя на самом деле они на каждом шагу. Первый женский обряд — косметичка. Косметичка — это великая

тайна и неизведанные океанские глубины, куда не дано проникнуть ни свету, ни мужскому разуму.

Она получила первую косметичку в пять лет. Сложила туда крем для всех мест, таблетки-пуговицы от головной боли и пустую губную помаду, которая могла только выдвигаться и задвигаться. Но в пять лет и этого достаточно.

Тогда, на рынке, он так и не взял сдачу. Взял редис, взял водки и запил. То есть он и раньше пил, но когда ты молодой, то это как будто и не запой. Это веселая разгульная жизнь, в меру красивые девушки и не в меру странные поступки под утро.

Ну а мужчины — запивают. Надолго, невесело и очень неприглядно.

Вообще, говоря по-честному, он был она. Но тут без трансгендерного хайпа. Тут проще. Он был Елена Лунная — модная писательница женских романов с пометкой «16+». То есть члены в ее книгах, как и положено, вздымались и каменели от страсти, но в рамках приличия, без фанатизма и детального проникновения.

Елена Лунная появилась случайно. От тоски и желания заработать хоть что-то. Звучало красиво, загадочно и даже многообещающе. Гораздо лучше, чем его собственное, не обещающее абсолютно ничего имя.

Да и писать женские романы могла только женщина. Закрытый клуб, что-то вроде рэпа для черных и страдания для евреев.

Потом появилось еще два крема. Отдельный для лица и отдельный для рук.

Ей сложно дались подростковые годы, когда согласно Семейному кодексу РФ девочкам еще не положено ни замуж, ни детей. Заниматься было особенно нечем, поэтому она только и делала, что торопила время, чтобы поскорее

восемнадцать. Когда было совсем скучно, напевала неизвестно откуда взявшуюся песенку про вишню на елке и мазалась кремами.

Все там же, между редисом и луком, он понял, что нет больше времени на мягкие обложки, пора создавать значимое. Не так, чтобы проходили в школе, но и не так, чтобы признали только после смерти. А чтобы одни умные, одухотворенные советовали другим, таким же умным и одухотворенным.

Сел писать, налил коньяку. Он пил, чтобы писать литературу, и напивался, чтобы пописывать мягкое. Незамутненное сознание мягкое отторгало.

Хрустнул пальцами, настроился и снова написал любовный роман.

И так несколько раз подряд.

Она родила. Нет, не от него, они в этой истории две параллельные, которые почти не пересекаются. Родила от какого-то парня с машиной. Он и был, и не был одновременно, как пустая губная помада. Но с ребенком в девятнадцать и этого вполне достаточно.

Она родила и тут же начала копировать свои файлы в дочь. Игрушки в ящик, в блины столовую ложку масла, в волосы шпильки. И первый обряд — косметичку.

Из букв можно сложить дом, из букв можно сложить машину. Из букв можно сложить вечность. Маленькую вечность для себя, в которой будут помнить и даже любить.

Но в большом доме и в дорогой машине почему-то из букв никак не складывается хороший роман.

А он хотел хороший, хотел, чтобы глубина и масштаб. Но всей глубины — детский засанный бассейн. Мечтал

написать что-то такое неудобное, что так просто не отпустит. Но его слова значили только то, что они значили. Простой каламбур был бы за счастье. Но нет, «Н» была «Н» и совсем не старалась казаться «П» или «И».

Кремы уже не помещались в косметичке. Они не помещались и на прикроватной тумбочке, и на полках в ванной, и даже в прихожей. Она не была уверена, что у человека есть столько мест, сколько у нее кремов, но производители всегда находили что-то более инновационное, обязательное и супернатуральное.

В детстве, когда она еще не поняла, но уже узнала, что такое смерть, ей захотелось эту смерть победить.

— Мама, а можно не умирать? — спросила она.

— Конечно, можно, девочка моя, — погладила по голове мама. — Ты родишь и продолжишься в своих детях. И я продолжусь в них. Так мы никогда не умрем. Вот смотри, в блины нужно ложку масла, чтобы хорошо переворачивались.

Ее дочь росла и становилась очень похожа: полные губы, любит малиновый морс и так же громко чихает. Но было в ней что-то неправильное, не ее. Не рассаживала кукол и как будто совсем не хотела детей. Жила своей жизнью и не стремилась продолжать чужие.

Кому-то суждено прожить всю жизнь вместе, а кому-то — вместе умереть по нелепой случайности. Именно так с ними и произошло.

Строго говоря, они так и не встретились, ведь он ходил только в рестораны с пометкой «детям здесь не рады» и обходил детские площадки. Даже если через них короче.

«Жизнь слишком коротка для детей, — думал он. — Да и стремно растить того, кто тебя закопает. Вот он родился, и все — отсчет пошел».

А она считала бездетных недоллюдьми. Не представляла, о чем говорить с теми, кто не познал счастья первого слова и первого шага. Счастья узнавания собственных жестов, которые маленький человек считает своими. Если не родил — прожил жизнь зря, была уверена она.

Так они и умерли: писатель, который разучился писать, и женщина, которая разучилась жить своей жизнью.

Умерли в один день в одном рухнувшем лифте в торговом центре. Умерли и встали в очередь один за другим.

Часть 2

Парк аттракционов

Сначала чистилище было похоже на банковскую очередь — умираешь и подходишь к аппарату. Там выбор:

смерть от старости,
смерть от болезни до 60,
смерть от болезни до 40,
смерть до 18,
убийство,
самоубийство,
несчастный случай,
выход в главное меню.

Берешь талон, садишься и ждешь. Но потом поняли, что это слишком похоже на ад и еще больше — на филиал Сбербанка. Тогда сделали всему ребрендинг. «Ребрендинг — это что-то вроде Большого взрыва, только поменьше», — объяснил Гендир всего.

И был день, и была ночь, и был ребрендинг. Из чистилища сделали парк аттракционов. Так проще ждать, и обстановка не такая нервная. Часть божественной энергии, как всегда, разворовали, а на остатки закупили списанные карусели. Советские, но старые как мир.

На входе в парк всем выдавали билеты на аттракционы, один лотерейный билет и один талон на сладкую вату. Всем поровну — загробный коммунизм.

Но даже в очереди они не познакомились. Постояли рядом, получили билеты и тут же разошлись по парку в разные стороны.

Он пошел под большой зонт с надписью «Балтика». Она пошла под грибок на детскую площадку.

Под зонтом работал человек в головном уборе из газеты.

— Новенький?

— Ага.

— Меня Балтика Девятка звать. Я говорю честно, но неприятно и могу зашибить одним ударом.

— У вас здесь написано, что пиво разбавленное. Зачем?

— Место такое — врать нельзя. Мертвым незачем усугублять, а мне вообще незачем.

— А разбавлять можно?

— Разбавлять везде можно.

— Тогда мне 0,5 разбавленного и шашлык на картоне.

— А на каруселях кататься не будешь?

— Буду, но это потом.

— Вот ты чудной, — золотом засмеялся Балтика Девятка, — уже помер, а так и не понял, что никакого потом нет. Я вот что тебе скажу, пойди лучше сыграй в беспроигрышную лотерею. Главный приз — воскрешение. Правда, уже почти две тыщи лет никто не выигрывал, но вдруг повезет.

Она посидела под грибком, поиграла с детьми и попыталась научить их печь правильные куличики. Одна из девочек постарше сказала:

— Тетя, мы хоть и мертвые, но не тупые. Идите, мы тут сами пойдем, как надо играть.

Она смутилась и пошла за сладкой ватой. Всегда мечтала съесть целую порцию одна, но сначала не покупали ей, а потом она — только дочке.

У сахарной ваты стоял красивый юноша с тонкими чертами лица. Его звали Карамелька, но она не поинтересовалась.

— Одну вату, пожалуйста, — протянула талон.

Продавец облизнул пальцы и отогнал мух.

— М-м-м, сладкая вата — она как жизнь, — улыбнулся юноша. — Кажется, ее так много, кусаешь большими кусками, а потом пшик, и ничего нет — глюкоза и обман.

Она не ответила.

— Могу организовать сахарный скраб. На лицо и все тело, — доверительно сообщил Карамелька. — Полезно и вкусно.

— Зачем мне скраб?

— Для красоты и радости! Но вообще, лучше и веселее, — он понизил голос, — карамельку в задний проход. Там лучше всасывается.

— Гадость какая, — возмутилась она, — здесь же дети! Верните талон.

— Да пожалуйста, — сказал Карамелька. — Если такая нежная, то лучше иди в лотерею, вдруг воскреснешь.

Он выпил пива, съел шашлык и пошел на колесо. Там спокойно и не укачивает. У колеса стоял оранжево-лысый кришнаит.

— Меня зовут Карри, — сказал Карри и улыбнулся. — Один круг — один билет. Будешь вести себя хорошо — пушу на следующий круг бесплатно.

— А если буду плохо?

— Сначала поедешь вон с теми, потом с этими, а потом больше не поедешь и будешь отмывать карусель от птичьего говна и блевотины вот тех. Будешь хорошо мыть — поедешь снова. Сначала с вот этими, потом вон с теми.

— Кажется, я понял правила. А если буду все время хорошо себя вести?

— Чтобы хорошо себя вести, сначала надо понять, что для меня хорошо. А я этого и сам пока не понял. Но у тебя будет время — залезай.

И он залез и провел на карусели три дня.

Она пошла играть в беспроигрышную лотерею и выиграла. Выиграла пластмассовые очки-сердечки и красный билетик на неопознанный аттракцион. Очки были красивые. Она подумала: «Вот бы дочке», но потом спохватилась и поняла, что не надо ей ничего отсюда. Про себя, как обычно, забыла. Даже не померила.

Он с трудом выбрался из колеса и пошел погонять на автодром. Карусельщика там не было — в рычаг воткнута спичка, чтобы аттракцион постоянно работал.

Подбежал к синей машине под номером семь, уперся коленями в приборную панель и поехал. Сначала пытался уклоняться от идущих на таран, но потом понял, что врезаться веселее. Прошло пять минут, и даже врезаться наскучило. Нелимитированный аттракцион — не такая прекрасная идея, как казалось вначале.

Она гуляла по парку и нашла карусель, как в детстве, — «Ромашка». На карусель пускали только по двое — «чтобы не создавать разбалансировку».

В ее жизни тоже везде пускали по двое. Двоим можно, двое безопасны на дружеских встречах — никто никого не уведет. Двоим удобнее за продуктами, чтобы и расплатиться, и сложить и чтобы в очереди не возненавидели. Двоим проще растить дочь, потому что так заведено и так правильно.

Она отдала сразу три билета: за себя, за соседнее место и за разбалансировку. Сделала круг и удивилась, почему не растила ребенка одна, а постоянно прикрывалась почти несуществующим мужем. И в кафе всегда врала, что ждет подругу. И в кино не решалась без никого, потому что в кино по одному не ходят.

Он устал бесконечно врезаться и пошел играть в беспроигрышную лотерею. Подал билет.

— Ты же здесь больше трех дней. Оно тебе надо? — спросил человек в мигающих кошачьих ушках и шарфе-мишуре.

— А почему бы и нет? Думаю, надо, я же роман не успел. А что, если воскресну? Одному, говорят, повезло.

— Говорят, у него были связи, трям-пам-пам, — доверительно сообщил человек. — Да и после трех дней уже совсем другая история.

— Нормальная история. Крути давай.

— Ну-ну, Гоголь так же говорил. Выиграл, и что? Вернулся весь помятый и безумный. Плохое дело, трям-пам-пам, заживо-то лежать. Очень плохое.

Покрутили стеклянный барабан, но воскрешение не выпало. Выпали мыльные пузыри и красный билетик на неопознанный аттракцион.

Красные билетики было ни продать, ни обменять, ни использовать на других каруселях. Даже выкинуть нельзя.

Встретились у низкого дома со входом в неопознанный аттракцион и сразу отошли друг от друга на шаг.

Из-за грязной шторы вышел Пьеро в берцах. Докурил и посмотрел хмуро.

— Вы здесь, потому что оба мечтали о вечности. Вечностью управляю я. Что вы можете мне предложить?

— Я могу книгу, только она еще не написана.

— А я могу ребенка, только он не такой, как я хотела.

— Негусто. Что ж, — Пьеро протер шарфом берцы, — для вас у меня есть вот такая вечность. Ты, — он указал на нее, — посмотришь, как умрет твоя дочь и как после тебя не останется ничего. А ты, — он указал на него, — будешь смотреть, как твоими книгами топят печь и как их забывают.

Они помолчали.

— А есть варианты?

— Варианты всегда есть, — улыбнулся Пьеро и добавил: — Пока ты жив. Но я могу предложить вам другой выход. Дам тебе, — он показал на нее, — родить сына, которого ты не сможешь воспитать. А тебе, — указал на него, — дам написать книгу, которую нашепчут другому автору. Так вы и попадете в вечность.

— А что, если нет?

— А если нет, то будете перерождаться, пока не будет да. Они помолчали.

— Или можете просто переродиться и все забыть. — Пьеро пригласил ко входу в аттракцион.

— А что там? Комната смеха или комната страха? — спросила она.

— А это как повезет, — усмехнулся Пьеро. — Как жить будете. Они помолчали.

— У вас карусельщика не хватает на «Вихре» и «Автодроме». Я лучше здесь останусь. Не хочу забывать.

— Все карусельщики горят в аду. Только Карри шел мимо, танцевал, пел песни и остался — не прогнать. А для остальных это ад — дергать за ручку и смотреть, как другие веселятся.

— Но здесь столько фактуры. Я хотя бы буду знать, что могу написать великую книгу, — решил он.

Пьеро достал рацию и сказал:

— Елена Лунная на автодром.

— А я пойду, — сказала она.

— А я и не сомневаюсь, — скривился Пьеро. — Женщине ведь нужно продолжаться, пусть и не помня себя.

— Да, очень правильные слова.

— Ну-ну.

Пьеро ругнулся, сплюнул и запустил аттракцион. Гендир всего был прав — управлять вечностью совсем не весело, когда каждый день одно и то же.

Часть 2,5

Б квы к нч ютс

Так устроено, что писатели умирают гораздо чаще обычных людей. Умирают от гриппа, умирают от рака, умирают от критики. Бывает всякое. И бюрократии с ними больше, ведь убийство персонажа как будто бы тоже грех, но совершенно непонятно, какой и как его правильно наказывать.

Карри бесконечно крутил колесо, и времени прошло бесконечно много и бесконечно мало. Приходили новые люди, становились в очередь, получали билеты. Пришел новый писатель и сразу пошел в лотерею.

Человек в мигающих кошачьих ушках и шарфе-мишуре выдувал пузыри и зазывал народ.

— Чего желаете? Мыльный пузырь, резиновую лягушку или говорящую хрюшку?

— Желаю воскреснуть, как и все.

— А для чего, трям-пам-пам?

— Ну, у меня мечта. Хотел стать писателем. Да как-то откладывал.

— Откладывать нужно яйца, а не мечты! Хочешь сделку: я тебе буков горку, а ты мне никчемную душонку?

— Чувак, ты больной? Я лучше пойду.

— Да стой ты, дурень. Я серьезно. Еще неизвестно, что там твою душу ждет после суда. А так хоть поживешь нормально. Продай, и делу конец.

— А что даешь?

— Ну, трям-пам-пам... — Смерил его взглядом и выдул облако пузырей, через которые никто посторонний ничего не слышал. — Даю миллион символов. Хороших. Их как ни складывай — все гениально! Потом помрешь — душа моя. Она, как ни верти, никому не нужна, так какого рожна беречь?

— А если кончатся?

— Обязательно кончатся, трям-пам-пам. Тогда придешь ко мне, сделаю твою душу мыльным пузырем и выдую через черную дыру в бескрайний космос. По рукам?

— По рукам.

И был день. И была ночь. И был первый контракт с издательством.

Очнулся в морге. Нашел одежду, написал родным, что жив, и тут же почувствовал, что жив.

Завел блог, написал о чудесном. Люди пришли, прочли и спросили, где можно прочитать еще.

И он сел за книгу. До того мог только фанфики, а теперь сразу идея и сразу роман. И полюбили сразу. Даже критики критиковали как-то вяло, за оклад, а не за идею.

Допечатали тираж. Потом еще один и еще семь.

Потом женился. Не на поклоннице, на обычной, которая далека от литературы. Но его устраивало, он не хотел и дома быть знаменитым писателем. А она вообще никем особенным не хотела быть. Просто воспитывала себе их детей, покупала кремы и напевала непонятно откуда взявшуюся песенку про вишню на елке.

Вторую книгу ждал весь мир. «Нетфликс» прислал договор на экранизацию, а вместо гонорара пустое место — впиши, мол, все, что хочешь.

Он хотел все.

Книга вышла, и все изумились, как же можно вот так хорошо и так просто. Он подписал тысячи экземпляров

и понял, что потратил на них тысячи букв. Перестал набирать обычные сообщения и начал записывать только голосовые. Попытался наговорить новый роман, но даже записанные за ним слова отнимались от миллиона.

Он надеялся, что вовремя перестанет писать и проживет вечную жизнь. Но как только кто-то постил его цитату для статуса «ВКонтакте», буквы кончались.

Однажды вечером он сел в свое кожаное кресло в своем дубовом кабинете и пересчитал символы. Две книги по триста пятьдесят тысяч. Еще минус сто тысяч на статьи, подписи, эсэмэски и глупую ругань в интернете. Итого оставалось еще двести тысяч знаков. Мало. Жаль, что не уточнил, с пробелами или без. С издательством, конечно, контракт. Но у этого, с пузырями, неустойка страшнее.

Поэтому решил отойти от дел. Не писать и даже почти не говорить. Плевать, пусть забудут.

Ну а в мире творилось много всякой несправедливости, о которой надо писать. О которой нельзя молчать. Но все писали и говорили не так и не о том. А он единственный знал как. Знал нужные буквы и их последовательность.

Прощальной записки не оставил. Оставил рукопись на двести тысяч знаков. Написал ее за ночь. Даже не написал — набрал, как машинистка. Подумал немного, поставил точку и умер. К черту вечность, главное — успеть сказать. Потом хоть в черную дыру.

— Трям-пам-пам.

— Да в курсе я, в курсе.

— Коли сдох, как лох, полезай в пузырек.

— Слышь, рогатый беспредел, осади. — Подошел Пьеро в берцах.

— Этот мой. Он согласился под гавканье заводных собачек. Они свидетели.

— Он ради искусства. Значит, амнистия.

— Трям-пам-пам. Сделка в парке развлечений — святое. Он уже никуда от меня.

— Так ни ты, ни я отсюда никуда, чудила.

— Значит, не твой, не мой?

— Ничей. Будет карусельщиком напротив того.

— Два писателя через одну дорогу — это красивый ад, трям-пам-пам. Пусть идет, я за красоту.

Часть 3

И как тут жить?

— Привет, сосед.

— Ага.

— И как тут жить?

— Да как всегда. У Балтики не воруй, к Карамельке не вставай спиной, а с Карри лучше вообще не разговаривай.

— Звать-то тебя как?

— Елена Лунная.

— Чё за херня?

— Такой вот ад, сосед. Фактура. Идем покажу.

И они пошли посмотреть финальный аттракцион. На сцене стояло два старых аппарата — «Испытай силу удара» для мужчин и «Взвешивание» для женщин. Люди по очереди поднимались, били нарисованному толстяку в пузо или взвешивались. Одних Пьеро уводил за правую кулису, других человек в кошачьих ушках уводил за левую.

— И какие критерии? — спросил новый писатель. — Как в рай-то?

Елена Лунная улыбнулся, почти как Пьеро, и повел нового писателя за сцену. Там люди спускались слева и справа и становились в одну очередь.

Очередь в неопознанный аттракцион в низком доме.

Трям-пам-пам.

Сказки слепого мира

В сущности, все люди делятся всего лишь на два типа — на тех, что стучат, и тех, что звонят. Тетка научила Олега доверять ни первым, ни вторым.

Эти постучали:

Тук.

Тук-тук-тук.

Тук-тук.

Олег не открыл. И тогда они вошли, по очереди разулсь в прихожей, аккуратно придерживаясь за стенку, и сели на диван, который как будто всю свою продавленную диванью жизнь ждал их задницы. Лишь бы только эти четверо пришли и идеально на нем разместились — не слишком вольготно, но и не слишком тесно.

— Здравствуй, родненький, — сказали они, и Олега замутило. Ковер стек на пол. Или это Олег упал на стену? Люстра звякнула хуже любого звонка.

А тетка предупреждала, что они придут. А он думал, что сказки. А оно вот.

Парень, огромный, как боров, подал руку, помогая подняться. Дернул так сильно, что у Олега хрустнуло в плече. Влажно. Как будто разделявали курицу.

— Кнур, — пожал руку парень.

— Олег.

— Настенька.

— Олег.

— Хатуль.

— Олег.

— Ну а я, Олежа, стало быть, Ба-бó. Бабка твоя. — Она рассмеялась так, что глаза исчезли, а гнилые зубы, наоборот, появились.

От бабки воняло табаком, прелыми листьями и чем-то знакомым с детства.

Голова закружилась снова.

Захотелось сказать, что он — это не он. Что все это ошибка, что этот диван и этот ковер он вообще впервые — просто шел мимо. Но посмотрел на четверых, потом в окно на слишком высоком этаже, на пролетевшую муху. Хатуль поймал ее и съел.

Или сделал вид.

— Пора-пора, — сказала Настенька, смотря на маленькие часики с нарисованной луной.

— Простите, а мы далеко собираемся? — спросил Олег, хотя уже все знал — тетка предупреждала.

— В лес, касатик, — сказала Ба-бо, — к Дедушке.

Она была такая маленькая, что даже обглоданный временем плюшевый медведь рядом с ней казался гризли.

— Мне что-то взять? — Олег еще раз посмотрел на окно, прикидывая, есть ли шанс.

— Бери, родненький, сахара побольше бери. Охотить будем.

Шанса не было. Олег кивнул и пошел искать сахар. А тетка предупреждала. Тетка говорила. А он только смеялся.

А потом тетка взяла и умерла. И перестала предупреждать.

Они вышли из подъезда в самом центре города, где асфальт должен был уберечь от родни. Так говорила тетка.

Ба-бо плюнула темной табачной слюной на асфальт, и сквозь него пророс такой же темный одуванчик. Олег незаметно затоптал зеленое, брезгливо вытер подошву. Он был за город, за шум и асфальт.

Как будто город был родным. Роднее родни, которая за ним пришла.

Олег резко дернулся вправо, но побежал влево, перепрыгнул, и еще раз. Метро дунуло, снесло, раздавило и поставило на конвейер. Олег побежал по ступенькам, влетел в закрывающиеся двери, потрогал заколовший бок.

Свет мигнул.

Четверо в вагоне сидели в ряд. Как на диване. Ба-бо угрозила пальцем и втянула в себя из сучковатой трубки.

Олег опустился напротив. Ехали молча, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Он смотрел, как за оконной темнотой иногда появляются спутанные провода, похожие на корни метро. Не то чтобы даже смотрел, просто видел.

Машинист голосом его тетки сказал: «Беги, дурак. Это конечный шанс».

Как только двери открылись, Олег толкнул на четверых идущего к выходу человека, выскочил первым и побежал. Тетка говорила: когда они придут, сделать все, лишь бы не в лес. И Олег сделал все.

Хатуль поднялся с сиденья, неспешно застегнул пальто на все пуговицы и вышел. Нагнал Олега в центре зала и уложил лицом на теплую от постоянных ног плитку.

— Как-то это не по-родственному, — сдавленно сказал Олег.

Хатуль сидел сверху, выкручивая руку.

— А я тебе не родственник, родненький.

— Пусти.

Хатуль отпустил. Олег поднялся, отряхнулся. К ним шли полицейские.

— Настенька, — сказала подошедшая Ба-бо.

Настенька поправила юбки и пошла навстречу полицейским. Олегу показалось, что она стала чуть выше и стройнее. Широко улыбнулась — полицейские отвыкшими от улыбок ртами тоже заулыбались. И, все так же улыбаясь, пошли в другую сторону.

— Перо тускнеет, — сказал Хатуль.

— Успеем. — Кнур потянулся, чтобы посадить Ба-бо на плечи, но она отмахнулась маленькой пятнистой рукой.

— Его понесешь, — показала трубкой на Олега.

— Послушайте, я пойду сам.

— Конечно, касатик, конечно, пойдешь. Никуда не денешься. — Ба-бо затянулась и дунула на него вонюче и сладко.

* * *

Олег изредка приходил в себя, трава мелькала перед глазами. Он пытался бить Кнура по спине, но тот только смеялся и говорил:

— Щекотно, братка, щекотно же!

— Если есть желание, можем поменяться местами. Пусть несет меня, — говорил еще чей-то голос, но Олег не понимал и уплывал обратно в темноту. Иногда ему казалось или даже вспоминалось, что это тетка несет его в город — крадет у леса. И ненадолго делалось легче. Но потом он вспоминал, что тетка мертвая, и снова накатывала тошнота.

Окончательно Олег стал собой только под вечер.

— Поставьте меня. Я пойду сам, — сдавленно сказал он.

— Ты по лесу-то умеешь?

— Я научу. — Настенька сделалась еще привлекательнее. — Покажу, как здесь ходят.

— Не расшибся, касатик?

Олег неопределенно дернул головой. Мир перевернулся. Олега поставили на ноги, и он тут же упал.

— Чего он у вас такой заранее дохлый? — Хатуль перешагнул через Олега и поправил пальто.

Они прошли вглубь так далеко, что лес стал везде. Олегу показалось, что никогда не было ни гор, ни полей, ни городов — только деревья. Много-много деревьев и мягкая подстилка из всего и ничего под ногами.

Ба-бо понюхала воздух и сказала:

— Время отдыхать.

Она села на землю и начала набивать трубку.

— Олежа, вы с Хатулем за костер, Настенька и Кнур ловят сов.

Ба-бо хлопнула в ладоши, и все разошлись.

— Я не умею разводить огонь. — Олег бил палкой кусты. Хатуль брезгливо снял лист с пальто.

— Огонь нужен для еды, костер — чтобы рассказывать истории.

— Но я хочу есть.

— Это не ко мне.

— Слушай, если ты не из семьи, зачем с ними ходишь?

— Олечка, обдирай сухостой, а ко мне не лезь.

Олег встал перед Хатулем, загородив дорогу.

— Помоги мне, а? Пожалуйста. Я в беде.

— О бедах ты пока ничего не знаешь, — сказал Хатуль и добавил: — Родненький.

Он обошел Олега, продолжая собирать ветки.

Поздним вечером все сидели вокруг костра, а вокруг Ба-бо сидели совы. Ба-бо выслушивала каждую, каждой выдувала

дымную мышь, брала ее за хвост и отдавала сове. Мышь пищала и извивалась. Довольная сова улетала, утаскивая ее в лапах.

Когда совы закончились, Ба-бо сказала:

— Теперь надо уважить костер. Время для истории.

Все посмотрели на Хатуля. И Олег тоже посмотрел, как будто понимая, кто здесь для историй.

— Веселую или грустную?

— Если история одновременно не веселая и не грустная — это плохая история, — сказала Ба-бо.

— Тогда я расскажу о сотворении мира.

История о сотворении мира

Однажды у бога с похмелья заслезился глаз. Бог вынул его, положил на тумбочку где-то во вселенной и отрастил пятьсот новых. Про старый забыл. Постепенно бог забыл про все. Даже что он бог.

Глаз тем временем скатился с тумбочки и укатился неведомо куда. Он покрылся плесенью, потом червями, потом — но через много-много лет, когда все черви родились, умерли и испрели, — вырос лес.

И лес стал новым богом, родившись от одноглазого богатоца и вселенской пыли, которая, будучи в хорошем настроении, опыляет все вокруг.

Круглый, слепой уже мир обрастал лесом. Сначала молодым-молочным с нежными, как тина, деревьями. Потом молодые деревья начали твердеть и превратились в кусты. Они были наивными и приятными на ощупь. Как бархат.

Еще потом появились люди и принялись убивать друг друга. Деревья смотрели на это, и мягкое их сердце твердело. Они покрылись корой и начали ждать, когда последние

из людей умрут. Только тогда они снова станут нежными и бархатистыми на ощупь.

И будет великий праздник.

Конец.

— А что будет с людьми, которые не совсем люди? Деревья ждут и их смерти? — спросила Настенька из темноты.

— Сама их спроси. Я не придумываю, я только рассказываю.

— Тут и сказочки конец, — сказала Ба-бо. — Ну, темной ночи, касатики.

— Темной.

— Темной-темной.

— Олечка, не спи на совиных перьях — плохая примета, — сказал Кнур.

— Что будет?

— Шею свернешь.

Олег быстро поднялся и перешел ближе к углям. Почувствовал, что после истории огонь прекратил быть костром и стал просто огнем.

Хатуль спал на дереве, только рукав пальто свисал вниз. Кнур вырыл небольшую яму. Настенька совсем ушла в ночь, остался один круглый силуэт. Ба-бо соорудила из дыма шалаш.

Тетка говорила, что Олегу нельзя в лес. Что в лесу страх и смерть. Но на самом деле лес хорошо пах и приятно говорил. Шуршал как-то по-особенному понятно.

На рассвете Ба-бо сидела в высокой траве на опушке и выкуривала из трубки туман. Густой и тревожный. Олегу тоже не спалось.

— Ба-бо, зачем я тебе? Зачем я в лесу? — спросил он.

— Ты нужен своему Дедушке. У него осталось совсем мало внуков для защиты.

— От кого?

— От других.

— Плохих?

— Других. — Ба-бо шершаво погладила Олега по голове, как будто кошка лизнула. — Пойми, касатик, плохие мы или хорошие — мы твои. Никого у тебя больше нету.

— Но я хочу домой. Я убегу, как только будет возможность.

— Это твой дом, касатик. От дома не убежишь.

— Отпусти меня, Ба-бо.

— Не могу, родненький, Дедушка ждет. — Ба-бо убрала трубку. — Вот послушай, все хотят знать, кто они и для чего. А у тебя, Олежа, теперь есть цель. Хорошая цель всей жизни.

— Идем, — сказала Настенька. Олег вздрогнул. — Научу тебя правильно ходить по лесу.

Сегодня она снова была маленькой, хотя вчера у костра показалась Олегу очень взрослой, даже немного старой.

— Спасибо, — сказал Олег и почувствовал искреннее желание идти за ней.

— По лесу нужно идти так, чтобы сам лес этого не заметил. — Настенька трянула юбками, как огромными лисьими хвостами. — Понимаешь?

— Понимаю. Хотя и не совсем. Точнее, вообще никак.

— Ты глухой и глупый, — сказала Настенька ласково и совсем не обидно. — Учись скорее, чтобы не сожрали. А пока ступай на мои следы. Только не подслушивай.

— Что не подслушивать?

— Когда идешь по чужим следам, можешь подслушать чужие мысли. Но ты сейчас так не делай. Просто учись ходить.

Олег попытался идти вслед за Настенькой, но ноги наступали неправильно — не хотели становиться в нужные места.